

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

Н.А. Самойлова, О.Н. Стрижакова

«БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ»: КОНТРАСТЫ ПОЛЯРНЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА (на примере Самары и Нижнекамска)

Настоящая статья посвящена социальной сегрегации в городской среде, которую авторы изучают посредством анализа пространственной организации в двух городах — Самаре и Нижнекамске. Используя качественные социологические методы (анализ визуального, полуструктурированное невключенное наблюдение), авторы выделяют ряд характеристик полярных городских групп, которые объективируются в маркерах физического пространства. Они показывают, что обладатели значительного экономического и политического капитала стремятся установить тотальный символический контроль над территорией проживания, создавая искусственно оторванное, замкнутое пространство. Напротив, районы, субъективно оцениваемые горожанами как типичное «пространство бедности», характеризуются вынужденной открытостью и взаимозависимостью жителей, незащищенностью, минимальной комфортностью и неблагоустроенностью.

О социальной морфологии города

В советском обществе причастность к властным структурам являлась основным критерием стратификации: общество делилось на управляющих и управляемых. С 1990-х гг. начинается процесс резкого расслоения общества по множеству оснований, полярные группы выделяются в сфере культуры, экономики, политики. Это явление в научном дискурсе получило название «стратификационной революции». Вполне закономерно, что данная проблема перешла в область онтологии, и в последние годы наблюдается взрыв интереса к изучению морфологии общества. Среди множества подходов, которые актуализировались в научном дискурсе в данный период, наиболее интересным и перспективным является анализ пространства как ареала существования социальных сообществ.

Главная особенность социальной структуры горожан — ее чрезвычайная сложность, многообразие социальных общностей, представленных в городской среде, а также их явная или неявная сегрегированность.

Так формируется «социальная морфология» города, делящая его на более или менее четко выраженные районы и кварталы. Изучавший этот вопрос американский социолог города Э. Батлер (E. Batler) приходит к значимому выводу: «Если города сами по себе становятся все гетерогеннее, то составляющие их внутренние ячейки становятся все более гомогенными»*.

Понятие городской сегрегации в западных социологических традициях имеет двоякий смысл. В узком понимании городская сегрегация означает политику расовой дискриминации, которая ограничивает свободу выбора места жительства внутри городского поселения, приводит к разделению кварталов на «белые» и «черные». В широком смысле понятие городской сегрегации подразумевает, что свобода выбора места жительства ограничена социально. В городском пространстве одни социальные группы оказываются отделенными от других более или менее явным образом. Морфология их расселения в главных чертах отражает различия внутри самого общества, стратификацию, иерархию. Социальные деления городского пространства между разными по своему общественному положению группами несут в себе силу принуждения, обусловленную объективными отношениями неравенства (Трущенко 1994: 120).

В рамках данной концепции *территория* рассматривается исследователем не как одна из «вторичных» описательных характеристик той или иной социальной группы, но как способ самопрезентации. Так, следуя за П. Бурдьё, мы полагаем, что организация физического мира есть проекция в реальный мир существующего социального пространства, распределение мест в котором осуществляется на основании наличия/отсутствия различных видов капитала (экономического, социального, символического и т. п.). Другими словами, мы обращаем внимание на существование тесной, практически причинно-следственной связи между социальной иерархией жителей города и его внешним обликом. Особо стоит отметить, что эвристическое достоинство изучения социальной структуры посредством анализа пространственной организации заключается в возможности не только снятия «отгиска», единовременного «среза» структуры сообщества, но и выявления наметившихся тенденций развития латентных социальных процессов.

«Бедные» и «богатые» как объекты исследовательского интереса

Целью данной работы являлось изучение процесса поляризации социальных групп посредством анализа городского пространства, его трансформаций, которые отражают соответствующие изменения в социальной, экономической, культурной и политической организации общества.

Одной из основных задач исследования является описание характеристик полярных групп («богатых» и «бедных»), которые объективируют себя через маркеры физического пространства. Таким образом, исследование велось по двум автономным направлениям — изучение пространства «богатых» и пространства «бедных». Причем, важно отметить, что объекты настолько специфичны, что для их изучения применялись различные методы.

* Цит. по: (Молевич 1997: 68–83).

Стоит также принять во внимание, что исследователи являются частью социокультурного пространства общества и неизбежно «субъективны», следовательно, вполне адекватным способом выделения конкретных объектов исследования может выступать произвольный выбор точек наблюдения.

Исследование проводилось в двух провинциальных городах — Самаре и Нижнекамске. По своей структуре они мало различаются, поэтому есть основание для сравнительного анализа.

Исследование пространства «богатых»

За последние годы новые акценты в изучение городской социальной сегрегации привнесли труды П. Бурдьё. Называя престижность «занесением социальных реальностей в физический мир», он считает ее одним из свойств городской среды. Для того чтобы отличаться престижем, адреса должны использоваться в практике расселения социально господствующих групп. Но наряду с этим они должны отчуждаться ими от социально подчиненных групп. В основе разных форм отчуждения престижа адресов лежат две взаимодополняющие модели социально-пространственной сегрегации. Суть первой в том, что социальные низы просто вытесняются за пределы символически ценных пространств. По второй модели, те из них, кто все же обитает в этих пределах, лишены доступа ко всем локализованным здесь благам, которыми пользуются привилегированные слои: престижное жилище, престижные школы, клубы, магазины и т. п. (Трущенко 1994: 120).

Городская сегрегация оказывается, по сути, проекцией многомерного социального пространства на плоскость физического мира.

Высшую ценность приобретают те городские пространства, где происходит концентрация обладателей экономического, культурного и социального капиталов, лежащих в основе признанного превосходства. Престижные адреса несут в себе символику господства, чаще всего имплицитную, но ничуть не менее насильственную оттого, что не ощущается социальное принуждение, детерминирующее репутацию места жительства. Конечно, нельзя отрицать, что высшая оценка территорий городского населения зависит от качества жилья, оснащенности социальной и транспортной инфраструктурой, насыщенности объектами культуры и памятниками истории, эстетики природных и архитектурных ландшафтов, экологического благополучия и рекреационного потенциала среды и т. п. Но престиж городских пространств кроется не только в их собственных превосходных свойствах, но и в признанном господстве тех, кому они достаются.

Для изучения престижных районов использовался *метод анализа визуальной информации*, т. к. непосредственный доступ исследователя в данную группу ограничен, а фото- и видеоматериал позволяет четко выявлять и тщательно анализировать маркеры пространства данной социальной группы. Она создает вокруг себя искусственную среду, которая, с одной стороны, заметна и «бросается в глаза», а с другой — доступ в это пространство для представителей другой социальной группы закрыт. Как отметил М. Пэнсон, «старинные и богатые семьи ценят прежде всего формы присвоения, которые позволяют им избежать толпы» (Пэнсон, Пэнсон-Шарло 1996: 113).

Анализ визуального как метод исследования

Понимание визуального в исследовательской практике различно. С одной стороны, это изучение фотографий, рекламы и т. д., однако можно открыть широчайший диапазон других документов, доступных для научного исследования. В настоящее время под визуальным документом *потенциально* понимается любой объект, личность, место, событие, которое можно наблюдать. В понятие визуального входит буквально все, что окружает человека: заголовки газет, мультфильмы, объявления в журналах, информационные доски, придорожные плакаты, знаки, музейные экспонаты, парки, сады, витрины магазинов, парады, меню кафе, расписание автобусов, спортивные площадки, пляжи, комнаты ожидания, лифты и многое другое. Важно отметить, что предметы, люди, события представляют собой материал для визуального исследования, который должен быть просмотрен, понят и заключен в аналитические рамки. Только после этого они могут считаться документами и рассматриваются не в отдельности, а определенном контексте. С такой точки зрения визуальное исследование есть изучение не только конкретного образа, но вообще всего видимого и наблюдаемого (Emmison, Smith 2000).

Многие толкователи предполагают, что мы вступили в новую эру истории, в которой визуальное становится более важным, центральным аспектом социальной жизни. Скотт Лэш говорит о том, что в культурной логике развития современного общества наблюдается замещение литературной восприимчивости визуальными образами: *«Мы живем в мире, где образы как основные культурные формы вытесняют тексты»*. Какую бы теоретическую позицию мы ни принимали, чтобы подтвердить существование и природу исторических трансформаций эпохи, все согласятся, что изучение визуального важно, потому что мы живем в мире, где видимое имеет огромное значение.

Описание маркеров престижного пространства

Таким образом, с помощью видео- и фотокамеры было зафиксировано пространство элитного жилья, которое занимают люди, имеющие достаток выше среднего. Это явилось прекрасной иллюстрацией «формальных» и «символических» характеристик среды, выделенных Е.С. Бaeвой и О.Н. Запорожец.

Под формальными в данном случае понимаются характеристики, отражающие количественно фиксируемые параметры территории и, прежде всего, ее размер и стоимость; *с символическими* связаны качественные свойства — *контроль над территорией* — возможность оказывать влияние на социальное и природное окружение. Контроль над территорией становится основой других качественных характеристик пространства: *искусственности, комфортности, закрытости и безопасности* (Баева, Запорожец 2004).

Указанные характеристики по-разному объективируются в пространстве «богатых». Как обладатели экономического и политического капитала, эти люди имеют возможность установить тотальный контроль над территорией, многообразный по своим проявлениям. «Символический контроль» включает в себя обеспечение.

1. Максимально *искусственной* «среды обитания»: создание особых климатических условий (кондиционеры), условий жизни («тарелки» — антенны спутниковой связи), стилевая выраженность (чистота, определенная эстетика).

2. *Комфортности* условий жизни, понимаемой как минимизация усилий для удовлетворения многообразных потребностей, в частности, концентрация инфраструктуры в пределах места проживания (рядом с домом банк, туристические фирмы, салоны красоты).

3. *Закрытости*, проявляющейся в обособлении от природных воздействий и в социальной изолированности (дома практически незаметны с проезжей части, т. е. частная жизнь скрыта от глаз посторонних; подземные гаражи).

4. *Безопасности*, т. е. защиты своей территории от вредных воздействий окружающей среды и нежелательного социального окружения (практически все двери в подъездах оснащены домофонами, установлены видеокамеры, въезд во двор ограничивается воротами, иногда с охраной и собаками).

Необходимо заметить, что новые престижные адреса представлены многоквартирными домами повышенной комфортности, а также коттеджными поселками. Это демонстрирует стремление их обладателей территориально локализоваться по имущественному признаку и соответственно дистанцироваться от социально чуждого окружения. Пространственная локализация представителей денежного пула сопровождается сегрегацией школ, больниц, культурно-досуговых организаций и торговых предприятий. Речь идет о социальном зонировании городов как пространственном воплощении социальных иерархий (Барсукова 2000).

Хотя комплексы элитных новостроек часто располагаются по соседству с «пространством бедности» (старые разваливающиеся дома, грязные двory, мусор), данные полярные группы практически не пересекаются друг с другом. Напротив, представители этих групп стремятся отгородить территорию своего существования с помощью разнообразных маркеров.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что богатство — это прежде всего тотальный контроль над территорией, создание искусственно оторванного и замкнутого пространства. Более того, процесс сегрегации приобретает все большие масштабы, что неизбежно может породить различного рода конфликты между группами.

Пространство «бедных» как объект исследования

Для изучения группы «бедных» исследователями был выбран метод полуструктурированного невключенного наблюдения, с опросом на предварительном этапе.

Нужно сказать, что подобные исследования, как правило, основаны на использовании количественных или жестких методов. Так, например, одна из самых значительных работ в этой области, «Престиж центра. Городская сегрегация в Москве» О.Е. Трущенко написана на основе информации, полученной преимущественно методом анализа документов, картографии и полуформализованных интервью. Однако, на наш взгляд, при изучении визуально наблюдаемой объективации группы «бедных» наиболее результативным и адекватным является использование именно метода наблюдения. Причина выбора данного метода обусловлена явной спецификой исследуемой территории. Если в пространстве «богатства» использование видео- и фотоаппаратуры является «нормальной», «принятой» практикой, то в пространстве «бедности» подобное поведение может быть воспринято неадекватно и, тем самым, усложнить задачу исследователя.

Объект данного исследования — провинциальный город. На первом этапе, в результате опроса жителей были выбраны две улицы города, одна из которых выступает, в представлениях горожан, как типичное пространство «бедности», другая — «богатства».

Анализ данных, полученных в ходе наблюдения территории «бедности», позволил сделать несколько *значимых выводов*:

1. Основной, сущностной чертой рассматриваемого пространства, по нашему мнению, является неспособность проживающих контролировать происходящее на «своей» территории, или, используя терминологию Бурдые, «гос-

подствовать в присвоенном пространстве» (Бурдые 1993). Другими словами, в данном пространстве хорошо различимо сужение формального контроля над территорией, возникающее в силу ограниченности властных и экономических ресурсов ее жителей.

2. Оказалось возможным выделить следующие характеристики, имплицитно присущих «бедным»:

- вынужденная открытость/взаимозависимость обитателей,
- незащищенность и минимальная безопасность,
- минимальная комфортность и неблагоустроенность.

Рассмотрим каждую выделенную характеристику, аргументируя ее полученными эмпирическими данными.

1. Вынужденная открытость/ взаимозависимость обитателей

Улица «бедных» находится на окраине, переходя в шоссе, ведущее за город (в дачные массивы и детские лагеря). Практически все дома правой стороны улицы являются малосемейными или студенческими *общежитиями* (на домах — таблички с надписью «малосемейное общежитие» или «общежитие ПЛ-66, Технологического колледжа» и т. п.). Можно сказать, жизнь в пространстве «бедных» характеризуется стойкой коллективной взаимозависимостью, причем эта взаимозависимость носит *«принудительный» характер*. О.Е. Трущенко описывает сходную с результатами данного исследования ситуацию, сравнивая отдельную и коммунальную квартиры. Господствующая на данной территории близость с «далекими» (Трущенко 1995) людьми позволяет говорить об *искусственном сужении личного пространства*, т. е. о «вынужденной» открытости, как об одной из ключевых характеристик наблюдаемого пространства.

Кроме того, первые этажи зданий в большинстве случаев занимают различные учреждения: Химико-технологический Институт, Городской травмпункт, Городской суд, Управление социального развития, Отдел капитального строительства, стоматологический кабинет, адвокатская контора, отдел трудоустройства, отдел услуг семье, налоговая инспекция и т. д. В результате, концентрация различного рода официальных учреждений на относительно небольшой территории превращает и без того максимально ограниченное приватное пространство жителей этих домов в публично-общественное. Присутствующие на протяжении всего наблюдения очереди у подъездов, произвольные скопления машин — произвольные стоянки в неположенных местах (детские уголки, тротуары и т. п.) реально затрудняют движение и создают эффект «перегруженности» территории.

2. Незащищенность и минимальная безопасность

Незащищенность людей (неспособность/невозможность противостоять обстоятельствам, избегать нежелательного социального окружения и т. п.), проживающих на данной территории, иллюстрируют не только разнообразные формы ограничения их личного жизненного пространства, но, прежде всего факт наличия феномена «нежелательного соседства» (Бурдые 1993).

По словам П. Бурдые, «тех, кто лишен *капитала*... обрекают соприкасаться с людьми и вещами, наиболее нежелательными и наименее дефицитными» (Бурдые

1993). В связи с этим стоит сказать о наличии на улице «бедных» венерологического и психоневрологического диспансеров, а также медицинского вытрезвителя.

Вместе с незащищенностью данного пространства необходимо отметить и минимальный уровень безопасности. Об этом можно судить по полному отсутствию компонентов охранной системы (железных дверей, домофонов, кодовых замков и т. п.).

3. Минимальная комфортность и неблагоустроенность

Большая часть домов в комплексах построена из серого кирпича, цемент между кирпичами во многих местах осыпался, стены покрыты желтым налетом. Двери подъездов, как правило, деревянные и часто сломаны. Пятиэтажные здания вообще не имеют балконов, девятиэтажные — только общие (два на этаж) железные балконы. Рамы деревянные, с облупившейся краской, часто полуразвалившиеся, т. е. можно говорить о невысоком качестве использованных стройматериалов.

На наблюдаемой территории отсутствуют признаки технической оснащённости жилплощади: не встречаются кондиционеры, «тарелки» спутникового телевидения, лишь на 12 окнах имеются выносные самодельные антенны.

Следует особо отметить особенности околожилищного пространства: скамейки и урны можно наблюдать у подъездов лишь двух домов. Отсеки для мусора либо отсутствуют, либо находятся в центре двора. Перечисленные факты позволяют говорить о *неблагоустроенности территории и минимальной комфортности условий жизни* в данном пространстве. Об этом свидетельствует и то, что, несмотря на наличие множества официальных учреждений, «рента от ситуации» (Бурдые 1993) для проживающих здесь *невелика*, поскольку большая часть организаций не является «дефицитным или желательным благом» (Бурдые 1993). При этом действительно жизненно необходимые организации (по Бурдые это — образовательное, культурное и санитарное оснащение) на данной улице представлены очень узко: образовательные — несколькими корпусами института, при этом школы и детские сады на данной улице отсутствуют, из медицинских учреждений — уже упомянутые диспансеры, культурно-спортивная составляющая ограничивается спортивным стадионом. Ближайший детский сад, школа, больница находятся на расстоянии около двух кварталов.

Данную морфологию пространства усугубляет неудовлетворительная транспортная инфраструктура в этой части города (наличие лишь двух маршрутов одного вида транспорта), что, наверняка, становится причиной существенного дефицита времени у жителей данного района. Причем, отсутствие свободного времени здесь необходимо рассматривать не только как символическую несвободу, но и как зависимость от обстоятельств (снова уязвимость, незащищенность).

В дополнение к этим характеристикам были также зафиксированы особенности наружной рекламы и номенклатуры продуктов питания в изучаемом пространстве. Рекламные щиты, размерностью 0,5 на 0,5 (м), содержат в основном информацию о *различных социальных услугах* (для сравнения содержание рекламных сообщений в пространстве «богатых» кардинально отличается и акцентирует потенциальных потребителей на элитности и высокой стоимости товара). На одной стороне улицы «бедных» было зафиксировано три продукто-

вых магазина (магазинов промтоваров, хозтоваров и др. на данной территории нет). Кроме того, один из имеющихся магазинов закрыт, а два других имеют сходный ассортимент: молочные продукты представлены в основном молоком и кефиром, хлебобулочные изделия ограничиваются 3 видами выпечки, колбасные — 2 видами, из фруктов в продаже имеются яблоки и лимоны (иногда бананы). В обоих магазинах визуально преобладает винно-водочная и кондитерская продукция, но средние цены и этих товаров достаточно низки.

Пространства «богатства» и «бедности»: демонстрация контраста

Для большей наглядности контраста между территориями, занимаемыми полярными группами, исследователями была сделана сводная таблица маркеров пространств «бедных» и «богатых» (Табл. 1).

Таблица 1.

Сопоставление маркеров пространств «бедных» и «богатых»

<i>Показатели ПРОСТРАНСТВА «БОГАТЫХ»</i>	<i>Показатели ПРОСТРАНСТВА «БЕДНЫХ»</i>
<i>Время постройки</i> — дома либо хорошо отреставрированы, либо новые, даты постройки — 1994–1995 гг.	<i>Время постройки</i> — старые дома, со сломанными лестницами, «полусараи».
<i>Строительные материалы</i> ориентированы на потребителя с высоким уровнем дохода (красный керамический кирпич, пластик, мрамор, гранит).	<i>Строительные материалы</i> , имеющие низкий стоимостной эквивалент, низкое качество (дерево, железо, бетон, серый кирпич).
<i>Этажность</i> — многоэтажные дома. Трудно определить типичную этажность, т. к. у каждого дома своя архитектура, часто встречаются 7–8-этажные дома, наиболее элитные — 4–5 этажей.	<i>Этажность</i> — одно/двухэтажные дома;
Наличие <i>охранной системы</i> , т. е. оснащённость помещения – камерами, – сигнализацией, – домофонами, – кодовыми замками, – наличие специализированного персонала (службы охраны, вахтовых служащих).	Отсутствие какой-либо <i>охранной системы</i> .
Наличие <i>технического обеспечения</i> – кондиционеров, – антенн спутникового телевидения;	Отсутствие <i>технического обеспечения</i>
Развитая система организации <i>сферы услуг</i> а) культурно-развлекательные организации – наличие, – близкая расположенность, б) организации сферы образования (школы, детские сады, послешкольные учебные заведения и т. п.) – большое количество, – высокий статус (вузы, гимназии, наличие спец. классов),	Неразвитая <i>сфера услуг</i> а) культурно-развлекательные организации – отсутствие или малое количество, – удаленность, б) организации сферы образования – отсутствие или малочисленность, – средний или низкий статус,

<p>в) магазины</p> <ul style="list-style-type: none"> – большое количество, – широкий ассортимент, – высокая стоимость товаров, – магазины, предлагающие продукцию, рассчитанную на высокодоходные группы населения, <p>г) наличие поблизости разного рода сервисных служб, предлагающих дорогостоящие услуги</p>	<p>в) магазины</p> <ul style="list-style-type: none"> – небольшое количество, – узкий ассортимент предлагаемых товаров, – низкая стоимость товаров, <p>г) ориентация сервисных служб на оказание бесплатных или низкооплачиваемых услуг;</p>
<p><i>Реклама и информационные щиты</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – большое количество информационных носителей, – крупномасштабность рекламных носителей, – содержание предложений дорогостоящих и/или экзотических товаров и услуг; 	<p><i>Реклама и информационные щиты</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – отсутствие или малочисленность щитов, – небольшие площади рекламных носителей, – рекламируемые товары и услуги рассчитаны на среднедоходную группу населения;
<p>Развитая <i>транспортная</i> инфраструктура</p> <ul style="list-style-type: none"> – большое количество маршрутов проходящего транспорта, – большое количество остановок поблизости; 	<p>Неразвитая система <i>транспортных</i> коммуникаций</p> <ul style="list-style-type: none"> – небольшое количество маршрутов общественного транспорта, – небольшое количество остановок;
<p><i>Планировка</i> внутренних дворигов и около жилищного пространства</p> <ul style="list-style-type: none"> – наличие специальных отсеков для сбора мусора, – наличие скамеек, – наличие обустроенных детских площадок, – наличие урн. 	<p>Отсутствие <i>планировки</i> и не благоустроенность внутренних дворигов и пространства около дома</p> <ul style="list-style-type: none"> – отсутствие отсеков для мусора, – отсутствие или малочисленность скамеек, – отсутствие детских площадок, – отсутствие урн.

Итак, на наш взгляд, развитие зафиксированной ситуации подчинено двум основным тенденциям:

- установлению монолитности, взаимодополняемости и однородности характеристик внутри отдельного пространства (что может свидетельствовать о прогрессирующем развитии процесса социально-экономической поляризации в обществе и начальном этапе формирования группового сознания полярных групп),

- усилению контраста между характеристиками исследуемых территорий, физически составляющих единое городское пространство. По всей видимости, подобное обособленное проживание социальных групп является результатом объективации в физическом мире социальной поляризации, существующей в пространстве общества. Основанная на значительной разнице объемов капитала горожан, социально-экономическая поляризация, как оказалось, выражается, во-первых, в наличии у жителей пространства «богатых» внушительного количества благ и власти для их преумножения, и, во-вторых, в отсутствии у «бедных» не только благ и капитала, но и возможностей для их приобретения. Именно наличие/отсутствие возможности влиять на естественный ход событий, воздействовать на процесс распределения благ и ресурсов, на наш взгляд, определяется как характеристика, интегрирующая в себя все ранее выделенные, и определяемая как *контроль или его отсутствие*.

Данная ситуация накладывает определенный отпечаток на все элементы пространства, начиная от мироощущения его жителей и заканчивая особеннос-

тами архитектуры и расположения зданий. Вследствие этого для исследователей становится возможной фиксация объективированных различий, свидетельствующих о наличии сегрегации внутри изучаемого городского пространства.

Литература

Баева Е.С., Запорожец, О.Н. Социальная и пространственная морфология: опыт исследования // Векторы развития современной России: Международные научно-практические конференции молодых обществоведов 2003 г. и 2004 г. М.: МВШСЭН, 2004.

Барсукова С. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство: попытка осмысления / Под ред. В. Вагина. М., 2000.

Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-logos, 1993.

Молевич Е.Ф. Общая социология: Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Ч. 3. Самара: Самарский Университет, 1997.

Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Культура господствующих классов: между знанием и достоянием // Вопросы социологии. 1996. № 7.

Трущенко О.Е. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. 1994. № 4.

Трущенко О.Е. Престиж центра: городская сегрегация в Москве. М.: Socio-logos, 1995.

Emmison M., Smith P. Researching the Visual. Images, Objects, Contexts and Interactions in Social and Cultural Inquiry. London: Sage Publications; New Delhi: Thousand Oaks, 2000.